

Шацкий Станислав Теофилович

Годы исканий

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 03
ББК 92
С75

С75 **Станислав Теофилович Ш.**
Годы исканий / Шацкий Станислав Теофилович – М.: Книга по Требованию,
2022. – 152 с.

ISBN 978-5-521-30761-6

ISBN 978-5-521-30761-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

М. С. Эпштейн

ПЕДАГОГ-ОБЩЕСТВЕННИК.

(О Станиславе Теофиловиче Шацком¹.)

Наша учительская молодежь и учащиеся педагогических учебных заведений основательно изучают труды известных педагогов-классиков. Мы изучаем Песталоцци, Герберга, Жан-Жака Руссо и др. Мы изучаем классиков и в то же время не забываем и литературу выдающихся современных педагогов. Учимся мы и у Дьюи, и у Кильпатрика, и у Монтессори.

Но, к сожалению, очень мало наша молодежь и широкие круги педагогов знают образцы педагогической деятельности и труды покойного Станислава Теофиловича Шацкого.

А между тем, когда в своей памяти восстанавливаешь всеобъемлющую, богатейшую деятельность Станислава Теофиловича, когда перечитываешь его труды, то с полным основанием и правом можно сказать, что т. Шацкий, этот педагог-коммунист, должен быть поставлен в одном ряду с крупнейшими классиками-педагогами. Он в неменьшей степени, чем и педагоги с мировыми именами, должен изучаться во всех педагогических учебных заведениях, и его труды должна знать вся наша педагогическая общественность.

Вот что Станислав Теофилович пишет о той обстановке, в которой он воспитывался и обучался:

«Одно из самых ярких впечатлений моего детства — это постоянное ощущение или страха или своей вины перед старшими...»

И дальше: «Довольно рано, по всей вероятности благодаря сильно развитому воображению и впечатлительности, я начал оценивать своих учителей со стороны их подхода к детям: за редкими исключениями, все учителя в их отношениях к детям были друг на друга похожи. Я ясно видел, что мои учителя постоянно «забывают» о том, как они сами были маленькими», и поэтому не понимают, как жестоко их ученье...»

¹ Речь на траурном митинге памяти С. Т. Шацкого.

Это Станислав Теофилович писал о том времени, когда он еще был в младших классах гимназии. В своих воспоминаниях он указывает, что надеялся с переходом в старшие классы попасть в иную обстановку, встретиться с иными людьми. Но и в старших классах он нашел ту же самую систему.

И тут Станислав Теофилович встречается с той же самой обстановкой лицемерия, обмана, взаимной вражды между учениками и учителями, неумением подходить к детям, одним словом, с той педагогической обстановкой, которая так характерна была для дореволюционной царской школы.

Дальше в своих воспоминаниях т. Шацкий говорит, что он надеялся на университет, «...что в университете я встречу совершенно другую обстановку...» «что там обеспечено приобщение к источникам науки и знания». Он надеялся, что там-то уже наверно нет такой вражды между учащимися и учителями.

Но и эти мечты его не сбылись. Он пишет: «С внешней стороны я встретил в университете обстановку другую: она была внешне неизмеримо более свободна, чем та, к которой я уже привык в гимназии, но то, что я видел со стороны моих гимназических преподавателей, мне пришлось отметить и в профессорской среде. Огромное большинство профессоров, с которыми я входил в общение, чрезвычайно мало интересовалось студентами, и между профессорами, с одной стороны, и студентами, с другой, вставала стена зачетов, экзаменов, носивших формальный характер. Главное же то, что для меня стало ясным, что никаких ответов на те многочисленные вопросы, которые я пытался ставить для своей жизни, для своей научной работы, здесь, в университетской обстановке, я не получаю...»

Такова была та школьная обстановка и та педагогическая система, с которой с малых лет встретился Станислав Теофилович сначала в гимназии, а потом и в университете.

Понятно, это не единичное и не случайное явление. Когда перечитываешь воспоминания т. Шацкого, то невольно приходит на память известная характеристика царской русской школы, данная в классическом труде Помяловского «Бурса».

В статье «Погибшие и погибающие» Писарев проводит аналог между русским острогом и русской царской школой на анализе двух классических произведений: «Бурсы» Помяловского и «Мертвого дома» Достоевского. Великий русский критик приходит к выводу, что все преимущества на стороне русского острога. Царская школа производит на Писарева совершенно безотрадное впечатление.

Писарев заявляет, что, «рассматривая внутреннее устройство бурсы, мы вовсе не должны думать, что имеем дело с каким-нибудь особенно темным и душным углом нашей жизни, с каким-нибудь последним убежищем грязи и мрака. Ничуть не бы

мало. Бурса — одно из очень многих и притом из самых невинных проявлений нашей повсеместной и всесторонней бедности и убогости».

Пропасть между умами учеников и «бурсацкою наукой», которая преподавалась в гимназиях, прогимназиях, семинариях, т. е. во всей системе царского народного просвещения, эта пропасть и характеризует всю эту систему во все годы ее существования.

Это видел и ощущал т. Шацкий на опыте своей собственной жизни, своего собственного обучения, и он, естественно, не мог не задуматься над этим явлением. Отсюда его «педагогические искания».

Что же было особенно отрицательного в этой системе?

Прежде всего полный отрыв школы от жизни, схоластика, полный разрыв между теорией и практикой.

Неудивительно поэтому, что одна из наиболее существенных проблем педагогической работы т. Шацкого — это вопрос о связи школы с жизнью, теории с практикой. Исходя из резко отрицательного отношения к царской школе, Станислав Теофилович прежде всего не мог не заметить этой отрицательной ее черты и не мог не направить свои искания именно в сторону связи школы с жизнью, теории с практикой, в сторону борьбы со схоластикой.

Для всей дореволюционной системы народного просвещения особенно характерна открытая вражда, которая существовала между учителями и учащимися, насилие над личностью ребенка, бесконечная его муштра, игнорирование ребенка как живого существа. Станислав Теофилович не мог не заметить и этой отрицательной черты дореволюционного народного просвещения и не мог поэтому не остановиться на вопросе о самостоятельности ребенка, на изучении его запросов, на вопросе о самоуправлении учащихся.

Это — вторая педагогическая проблема, которая стояла постоянно перед т. Шацким.

Учитель Шацкий видел всю казенную, мертвящую схоластику, при которой учитель чрезвычайно мало или совсем не интересуется своими учениками. И поэтому он много работал для того, чтобы подготовить нового учителя, который любил бы свою работу, был бы другом своих учащихся, знал бы и понимал их.

И, наконец, последнее — т. Шацкий не мог не видеть, что старая школа не идет дальше регламентированного материала учебников, не обновляя их новыми данными развивающейся науки и окружающей жизни, не учитывая запросов учащихся.

Практическую свою деятельность т. Шацкий начал в эпоху первой революции, революции 1905 г. Это была эпоха «бури и натиска», эпоха крупнейших политических событий. Само собой разумеется, что т. Шацкий не мог ограничиться только педагогическими исканиями. Он приступил к большому педагогическому

делу и вместе с группой своих ближайших товарищей образ так называемый «сетлемент». Это нечто вроде «поселка культурных людей среди бедного населения».

Но в практической деятельности этой группы людей очень быстро сказалась одна ошибка. Эта ошибка заключается в том, что они мыслили построение «сетлемента» в отрыве от политической борьбы. Им казалось, что можно в условиях царской самодержавной России, в условиях острой политической борьбы строить культурную организацию, не придавая ей ярко выраженного политического характера, не смыкаясь в этом общественном направлении с передовой революционной организацией рабочего класса. Само собой разумеется, что речь могла идти только о решительной борьбе с существующей царской системой народного просвещения.

Впрочем, самодержавный царизм и официальная русская «общественность», представленная «Союзом русского народа», быстро дали политический урок т. Шацкому и возглавляемой им группе педагогов. «Сетлемент» скоро был закрыт. Обыски, аресты и впоследствии запрещенная деятельность этой организации нагляднейшим образом показали т. Шацкому и группе педагогов, шедших с ним, как неразрывно связаны школа и политика.

Станислав Теофилович, этот бурно-пламенный педагог-строитель, не успокоился на запрещении «сетлемента». Он организовал общество под названием «Детский труд и отдых», которое по существу, продолжало ту же общественную работу, что и «сетлемент».

Станислав Теофилович строил целый культурный комбинат. В сферу деятельности этого нового общества «Детский труд и отдых» входили и опытная школа, и детский сад, и детские клубы и работа со взрослыми.

Это у него вытекало не только из проблемы — ребенок и среда, которую т. Шацкий, как педагог, ставил в качестве генеральной проблемы, подлежащей опытному изучению, но и из того, что в засто насквозь прогнившей царской системы народного просвещения надо было создавать новую систему воспитания, начиная от детей дошкольного возраста и кончая взрослым населением. Отсюда его попытки работать в области педагогической теории и практики, охватывая весь комплекс культурно-просветительных учреждений.

В следующие годы т. Шацкий уходил все больше и больше в сторону углубленной проработки методических вопросов.

Когда сейчас пересматриваешь педагогические высказывания Станислава Теофиловича, то убеждаешься, что этот одаренный, талантливый педагог на основе собственной практики и пройденного им же опыта доходил до ряда методических выводов, потерявших своего огромного значения и для настоящего времени.

С каким же педагогическим багажом Станислав Теофилович пришел к революции? Несомненно, с чрезвычайно богатым, хотя и не систематизированным, как он сам об этом говорил. Условия, в которых ему приходилось работать в царской России, ограниченное поле деятельности, которое ему было предоставлено, не давали ему возможности все перлы его педагогической мысли собрать в единую стройную педагогическую систему.

То обстоятельство, что до своего вступления в коммунистическую партию он не стоял сколько-нибудь прочно на определенных политических позициях, тоже мешало ему собрать свои педагогические мысли в единую систему.

Все же, несмотря на все это, приходится сказать, что т. Шацкий пришел к революции с огромным педагогическим багажом. Он стремился построить школу, в которой обеспечено органическое единство между теорией и практикой, которая стремится удовлетворить все интересы ребенка — эмоциональные, общественные и умственные; школу, которая для ребенка должна быть местом удовлетворения всех и всяческих его запросов и одновременно местом отдыха; школу, которая должна изучать все влияния окружающей его среды, с тем, чтобы отрицательные ликвидировать, а положительные всячески использовать в интересах определенной педагогической цели, которую преследует данная школа. Эти устремления являются ценнейшим вкладом в советскую педагогику.

Вот что пишет т. Шацкий по этому поводу: «Таким образом, нельзя сказать, чтобы к эпохе революции я и мои товарищи пришли с очень большим опытом, достаточно проверенным и законченным. Мы пришли с огромными исканиями. Можно сказать, что к этому времени только что наметились самые общие контуры того педагогического дела, над которым нам предстояло работать в дальнейшем. Тот опыт, которым мы обладали, еще не был приведен в систему, и за ним не было еще никакой определенной теории, — вернее, вся наша работа велась путем изучения многочисленных педагогических фактов и довольно осторожно поставленных экспериментов, которые вынуждали нас делать те или другие временные выводы».

Станислав Теофилович со свойственной ему скромностью преуменьшил значение того педагогического богатства, с которым он пришел к революции.

Тов. Шацкий пишет, что к Октябрьской революции, как и многие другие представители русской интеллигенции, он пришел не без некоторых zigzagов. Но по своим педагогическим установкам он не мог не стать активным строителем советской школы, не мог не стать коммунистом-педагогом.

Ибо только в советских условиях могла быть произведена та

коренная ломка системы народного образования, о которой мечтал всю жизнь Станислав Теофилович.

Только наша революция, революция пролетарская, поставившая у власти новый класс — рабочий класс, разрешая впервые в истории великие задачи строительства коммунистического общества, разрешила одновременно и наиболее последовательно в качестве своего «побочного продукта, мимоходом», как это неоднократно подчеркивал Ленин, все те задачи, которые были поставлены буржуазно-демократическими революциями в отношении ликвидации остатков крепостничества и феодализма во всех областях и в том числе в системе народного просвещения.

Станислав Теофилович, как истинный друг народного образования, с малых лет питавший ненависть к старой, царской школе, переживший колебания, гнилые компромиссы керенщины и меньшевистско-эсеровской власти, не мог поэтому не видеть, что только рабочий класс, его партия и его власть в состоянии до конца сломать ненавистную царскую систему народного просвещения, точнее — эту одну из форм народного угнетения. Он не мог поэтому не стать педагогом-коммунистом, не стать в ряды активных строителей и творцов новой, советской школы.

Впервые перед ним открылись настоящие перспективы для творческой работы.

Станислав Теофилович исключительное внимание придавал в своей педагогической деятельности поискам, эксперименту. Тот, кто встречался в своей работе с т. Шацким, того всегда поражало обилие педагогических идей, которые владели Шацким. Не было случая в нашей практике, когда бы он, так сказать, не «начинял» нас новыми педагогическими идеями. Этот человек всегда жил в состоянии педагогического творчества.

Тов. Шацкий пишет: «Перед глазами прошло много педагогических явлений, фактов. В сознании они текут в тесной связи и зависимости друг от друга. Тысячи детских темпераментов...»

Тов. Шацкий любит ребенка, интересуется им. Педагогика для него — не застывшая догма, педагогика не есть нечто постоянное, стандартное, стабилизированное: нет, это творческий процесс, который надо понять, изучить, двигать вперед. Только присматриваясь и изучая детский темперамент, приходишь «к пониманию эволюции педагогического дела — самой важной идее, которая должна быть понята педагогом».

«Мне кажется, — продолжает он, — глубоко ненормальной, не соответствующей духу дела и его сути, обычная консервативность педагогической деятельности. Она, как и дети (ибо для Шацкого ребенок — центр всех педагогических исканий. — М. Э.), должна быть живой, деятельной, положительной, от одной формы к другой движущейся, ищущей. Поэтому пусть она ошибается, пусть

постоянно стоит «на пути», пусть будет сложна и трудна, — лишь бы жила и двигалась...

Когда теперь к нам приезжают иностранцы-педагоги, даже те, у которых много еще принципиальных расхождений со всей системой нашего воспитания, они все-таки всегда говорят, что их поражает в нашей стране наша школа, представляющая богатейшую педагогическую лабораторию. «Мы чувствуем, — говорят они, — что вы жадно ищете самую совершенную систему, что у вас в каждой советской школе каждым учителем обогащается наука о ребенке, о методах его обучения и воспитания».

Тов. Шацкий ясно видел всю беспомощность буржуазной педагогики. Об этой беспомощности он писал: «...все более и более убеждаюсь в том, что роль буржуазии в воспитании сыграна, что она ничего не может дать принципиально ценного, нового, что она может еще заниматься техникой, методикой, а вскопать новые пласты педагогических мыслей и создать систему того воспитания, которое нужно новым социальным слоям, неизбежно приходящим на смену старым, — эта работа выпадает исключительно на долю коммунистической педагогики...»

«Класть в общую работу социалистического строительства педагогические кирпичи — великое дело для современного педагога. Будем в нем участвовать до конца дней своих...»

И т. Шацкий со свойственным ему энтузиазмом отдает всю свою жизнь и свои силы советской школе.

«Надо работать над такой педагогической системой, которая являлась бы нужной, жизненной для широких масс трудящихся, открывающих с колоссальной силой новые пути в жизни человечества. Это есть одна из самых благородных и благодарных задач, которые только можно себе представить».

Начав свою педагогическую деятельность в кошмарных условиях царского режима, на крайне ограниченном участке, Станислав Теофилович при советской власти стал членом коллегии Наркомпроса, руководителем громадной опытной станции с большим числом школ, детских садов, получил возможность влиять на ход и развитие советской школы и через президиум педагогической секции Государственного ученого совета, членом которого он состоял, и через ряд комиссий, которые при его активном участии работали при Наркомпросе, влиять на разработку программ, учебников и методов преподавания в советской школе.

«Я не сомневаюсь, — пишет т. Шацкий, — что эта (советская — М. Э.) педагогическая система будет одной из наиболее цельных систем, которые только знала педагогическая наука. Главное ее достоинство будет в том, что она будет до конца правдива, жизненна, проста, в том, что она явится одним из сильнейших орудий в руках пролетариата в деле создания нового, коммунистического общества, в том, что она не будет «ни тепла, ни хо-

лодна», а раскаленно-горяча и соберет под свои знамена педагогов-революционеров, крепких, мужественных, честных, вооруженных могучим оружием марксистского метода».

«Я надеюсь еще сильно поработать. Силы есть и уверенность в конечной победе коммунизма тоже. Больше ничего и не надо». И, действительно, т. Шацкий до конца дней своих стоял на своем посту.

Просматривая его методические высказывания, не трудно убедиться, как прекрасно он знал школу.

Нельзя не остановиться на заслуге Станислава Теофиловича в борьбе с леваками, которые умаляли значение школы и педагога. Здесь т. Шацкий выступал как страстный борец за линию партии в деле народного просвещения. Он придавал исключительное значение школе.

Тов. Шацкий не мог поэтому не бороться с антиленинской теорией «отмирания школы», с утверждением, что школа не нужна, ибо у нас воспитывает и фабрика, и колхоз, и вся общественная жизнь.

Наш долг, долг его товарищей по работе, его соратников, самым тщательным образом собрать и систематизировать все то что нам оставил т. Шацкий, привести в систему все его взгляды, — о чем он писал и над чем практически работал.

Собранные мысли и труды Станислава Теофиловича послужат мощным орудием в борьбе за советскую школу, за наиболее эффективную систему воспитания и обучения наших советских детей, которым посвящена была вся творческая жизнь этого замечательного педагога и человека.

М. С. Эпштейн.

15 декабря 1934 г.

С. Т. ШАЦКИЙ.
1878 — 1934.

